

И нет мне прощения

Автор:

Татьяна Гармаш-Роффе

И нет мне прощения

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Частный детектив Алексей Кисанов #20

Если б людям было дано умение предугадывать ход событий!.. Тогда бы Аида не пошла на свидание в сад «Аквариум», тогда бы Манон, ее сестра, не согласилась на встречу со своим новым поклонником! И не случилось бы беды, и не пришлось бы частному сыщику Алексею Кисанову отложить долгожданный отпуск... Но полиция просит его помощи. Два жестоких и загадочных убийства. Исчезновение девушки, накачанной наркотиком под названием «сыворотка правды». И, главное, поиск доказательств вины преступника, которые никак не даются сыщику в руки! Неужели убийца останется безнаказанным?..

Татьяна Гармаш-Роффе

И нет мне прощения

Илье

Любовь для счастья нам боги дали,

ею одной душа вся полна.

Ах, если б в эти часы печали

хотя б надежду мне любовь дала!

Хоть бы надежда, лишь бы надежда
снова блеснула счастьем нежданным,
лишь бы надежда осталась мне!

(Из оперы «Аида»)

День первый

Аида рассеянно бродила по комнатам, несколько раз присаживалась – то на диван в гостиной, то на кровать в спальне, то на кресло в кабинете мужа, – и тут же вскакивала. Ей было грустно и тревожно, и даже дивное сопрано Марии Каллас не приносило обычного наслаждения. Наоборот, захотелось выключить музыку: сегодня прекрасная «Каста Дива» звучала невыносимым диссонансом с ее смятением.

«Да что со мной, в самом деле? – пыталась понять Аида. – Ведь слово «избавиться» вовсе не означает «убить»! Когда люди не хотят больше жить или работать вместе, они расходятся. Они разводятся, делят имущество, заводят другие семьи или новые фирмы, уходят на другую работу – в общем, «избавляются» от того, кто стал в тягость, будь то начальник, партнер или супруг. Конечно, слово грубое – некрасиво говорить о людях, будто о старых чемоданах, – но в нашем новоиспеченном «высоком» обществе хорошие манеры свежи, как примеряемый в модном бутике костюм, еще с бирочкой, который не слишком ловко сидит на грубо сработанных телах...»

Аида вошла в «телевизионную» комнату, щелкнула пультом. Телевизор она смотрела редко, но сейчас была готова слушать любые глупости, только бы отделаться от гнетущей тревоги.

Некоторое время она созерцала экран, где шел какой-то сериал, удивляясь плохим диалогам и плохой игре. Все было фальшиво: слова, лица, чувства. Не сравнить с оперой! Она не претендует на реализм, и именно поэтому ей безоговорочно веришь, а великая музыка никогда не подводит!

Аида тут же подумала о сестре: пусть напишет о сериалах. Не все же рассуждать о хорошем кино, должен ведь кто-то взять на себя труд чистить авгиевы конюшни дурновкусия! А Манон, с ее язвительным умом и слогом, вполне годится для такого подвига.

Аида набрала номер сестры.

- Машка, что там у тебя гудит? Я твой голос едва слышу!

- Дашка, ты?

Манон в детстве не могла произнести имя «Аида» и звала старшую сестру «Да», позже преобразовавшись в «Даша». Аида же не нашла уменьшительного варианта от «Манон» (разве только «Маня», но это ей решительно не нравилось), отчего прозвала ее Машей со всеми вытекающими суффиксами: Машунька, Машик, Машутка и прочие ласковости.

- ...У меня пылесос, погоди, сейчас выключу! - прокричала Манон.

И в самом деле, спустя несколько секунд гул стих.

- Ты сама убираешь? - удивилась Аида.

- Нинон заболела.

«Нинон» как раз звалась просто и обычно: Нина. Девятнадцатилетняя девушка с Украины подалась в Москву на заработки и едва не пополнила собой армию столичных путан. Манон девушку подобрала в плачевном состоянии: ее избил некий «добрый человек», который Нину обещал приютить и накормить, вместо чего - или в дополнение к чему - отправил на панель.

Панель же, по стечению обстоятельств, оказалась ближайшим к офису Манон тротуаром. «Идти можешь?» - спросила Манон, склонившись к сидящей у стены соседнего дома девушке с разбитыми губами. «Куда?» - простонала в ответ та. «Ко мне. Меня зовут Манон. А тебя как?» «Нина... Нинон!» - проявила находчивость девушка, потрясенная необычным именем своей благодетельницы.

В результате компанию Манон, превратившейся в Машу, и Аиды, превратившейся в Дашу, пополнила Нина, трансформировавшаяся в Нинон. Сестер это забавляло, Нинон же относилась к данной трансформации со всей серьезностью. Как будто в новом ее имени забрезжила новая жизнь.

Собственно, она так-таки забрезжила: Нина получила работу у Манон, причем хорошо оплачиваемую. Сестры никогда не знали стеснения в финансах. Впрочем, Аида, с их разницей в десять лет, еще помнила относительно (о-о-очень относительно, заметим!) трудные советские годы своей семьи. Манон же появилась на свет тогда, когда доходы отца взмыли в запредельную высь и уже требовалось немалое напряжение фантазии, чтобы придумать, на что еще деньги потратить.

- Я тут телевизор посмотрела... - сообщила Аида.

Манон только фыркнула в ответ: от подобного начала она ничего хорошего не ждала.

И в самом деле, Аида пустилась рассказывать, как ее (в очередной раз) поразила пошлость и фальшь, и что с этим следует что-то делать, и что сестра могла бы взяться за великое и благое дело воспитания вкуса, поскольку блог ее очень популярен и она способна открыть людям глаза на то, как их...

- Даш, мы с тобой уже говорили на эту тему: глаза открыть никому нельзя! Можно обсуждать - издеваться, возмущаться, прикалываться - пошлость с теми, кто ее сам чувствует! Но никому невозможно ее объяснить!

- А я тебе в который раз говорю, что ты не права! Вкус можно воспитывать и нужно!

- У нас знаешь сколько нынче воспитателей вкуса развелось? По телеку, в журналах, книгах, в Интернете - сплошные наставники. И каждый убежден, что уж он-то точно знает, в чем состоит хороший вкус! А ты на такого «гуру» смотришь и думаешь: мама родная, чему же он научить может, когда у самого вкуса нет?! А он смотрит на тебя и головой качает: не научилась ты, девушка, со вкусом одеваться. И кто нас рассудит, Даш? У кого есть право выносить окончательный приговор?

– Вот и надо писать об этом, – назидательно произнесла Аида.

Ну конечно, сказалось воспитание папы: тот привык «о благе народа» рассуждать. Представление об этом «благе» у него было смутное, зато уверенное и, по большому счету, подчинялось той же схеме, что и незваное наставничество разного рода радетелей «хорошего вкуса». Для них отношения с миром строились по принципу «Я и Оно», а не по принципу «Я и Ты». Вторая опция предполагала уважение к другой личности и ее взглядам, что само по себе автоматически отменяло всякое поучительство.

Но Аиде, которая философией не увлекалась, жила замкнуто, музыкой и чувствами, объяснить эти мысли Манон не взялась бы: не потому, что сестра неспособна понять, а потому, что они ей неинтересны.

– Даш, спустись на землю, а? Это просто никому не нужно, пойми! Пусть каждый питается той пищей, которая по желудку, смотрит то, что ему по душе. Даже если это, с твоей точки зрения, духовный «Макдоналдс». Оставь людей жить так, как им хочется!

– А потом у них начнутся проблемы от дурной пищи... – упрямылась Аида, отчего-то внезапно озаботившаяся всеобщим благом.

– Даша! Да что с тобой, в самом деле? Когда проблемы начнутся, тогда они сами поймут. Сами! А до этих пор никому ничего невозможно объяснить, пойми же!

– Так что теперь, никто не имеет право назвать пошлость пошлостью?!

– Имеет. Да толку-то? Твою точку зрения разделит только тот, кто сам придерживается близкой; твой вкус оценит тот, у кого схожее представление о хорошем вкусе.

Манон это отлично знала, из года в год читая и восторженные и гадкие, иной раз хамские комментарии на свои рецензии. Но ей не хотелось спорить с сестрой.

– Даш, а что это голос у тебя нервный? И вообще, с чего это ты телевизор включила? – с подозрением проговорила она.

- Да так... настроение плохое было...

- Что-то случилось? - Манон встревожилась не на шутку: она слишком хорошо знала сестру, которой спасением от всех жизненных невзгод...

Впрочем, нет, невзгод у Аиды не случилось, как и у Манон, - их семья величественно, словно атомный ледокол, рассекала льды общественных, политических и экономических потрясений. Так что лучше ограничиться словом «огорчений»...

Так вот, универсальным средством от огорчений Аиде служила опера. А тут вдруг - телевизор!

- Нет, Машик, ничего такого... - пробормотала Аида, отчего-то смутившись.

Аида хотела уж было распрощаться с сестрой, но медлила. Может, все-таки поделиться своими сомнениями? Один ум хорошо, а два... Тем более такой ум, как у Манон! Она более решительна по характеру, и если бы она сочла, что подозрения Аиды безосновательны, что у нее просто «тараканы» в голове и что «постоянное слушание опер к добру не приведет»... Так младшая сестра говорила всегда, и сейчас Аиде остро захотелось, чтобы ее в этом убедили.

- Хотя, знаешь, я и вправду немного растеряна... - отважилась она. - Не знаю, как понимать одну фразу... Я ее случайно услышала вчера, правда, она выдернута из контекста... Но все-таки...

- Даш, не тяни! Мне на работу пора!

В этот момент котенок Цезарь, прятаясь от страшного пылесоса под диваном, вдруг рванул из своего убежища и бодро вскарабкался на шелковую занавеску. Это грозило целым рядом неприятностей: острые коготки выдергивали нити из шелка, портя ткань, к тому же котенок завис на высоте, уцепившись за карниз, с недоумением глядя вниз и явно не понимая, как ему теперь спуститься.

- Подожди, Цезаря с карниза сниму сейчас...

– Да ладно, Маш, не буду тебя держать. Я только хотела сказать насчет нашего телевидения, напиши об этом в блоге. Все, целую.

Аида отключилась, и Манон, достав стремянку, полезла снимать Цезаря с верхотуры. Смешная она, сестричка старшая, – живет в своем мире, слушает дни напролет оперы и совершенно не представляет, что телевидение уже ругают лет двадцать, а толку ноль!

...Даже хорошо, что Аида не договорила насчет «фразы». Услышала небось какую-то пошлость с экрана и хотела, чтобы ей объяснили, что это значит. Да только объяснять Аиде смысл скабрёзных фразочек и шуточек – это так же неприятно и бессмысленно, как объяснять их ребенку!

Глянув на часы, Манон быстро убрала пылесос и кинулась в ванную. Ей и в самом деле пора на работу!

Аида была немного раздосадована. Только она отважилась рассказать сестре о нечаянно услышанном разговоре, как котенок вдруг взял да все испортил. Ну, ладно, не котенок, а сама она замялась. Вдруг неловко стало, сомнения показались глупостью...

Поколебавшись, Аида открыла свой почтовый ящик в компьютере и набросала несколько фраз, большинство из которых заканчивалось вопросительными знаками. Отправила письмо сестре, стерла, на всякий случай, его следы и почувствовала себя значительно спокойнее – будто уже услышала ее насмешливый голос и слова о «тараканах в голове».

Свидания на сегодня не планировалось, так что Аида быстро переоделась и поехала в Музей изобразительных искусств, где выставлялись редкие картины из частных коллекций.

Вернулась Аида домой к вечеру, в хорошем настроении. Включив музыкальный центр, она комфортно устроилась в кресле, наслаждаясь божественным голосом Монсеррат Кабалье, как вдруг айфон чирикнул на столике рядом. Аида счастливо улыбнулась: только один в мире человек мог посылать ей эсэмэски!

Раньше она ими не пользовалась, – не понимала: зачем, когда есть телефон и Интернет? Это ведь намного удобнее, чем тукать по крошечным буквам!

Но теперь она постигла их смысл: это тайный язык любви! Нежные слова настигали ее повсюду, заставляя сердце биться сильнее.

Она, в предвкушении дивных слов, посмотрела на экранчик.

«Нужно срочно встретиться. Мне кажется, за нами следят. Выйди на эл. почту» – гласил текст.

На этот раз сердце ухнуло не от нежности – от страха.

Аида (муж и друзья называли ее «Ада», будто стесняясь ее имени), черноволосая и черноглазая, высокая, с большим упругим бюстом, нередко производила на людей впечатление женщины сильной и властной... Но отнюдь не являлась такой: была она на самом деле боязлива, не уверена в себе, чрезмерно эмоциональна, ранима... Свою душевную незащищенность Аида скрывала всеми способами, отчего одним казалась сдержанной и холодной, а то и высокомерной; другим, – тем, кто знал ее поближе, – мечтательницей, способной часами слушать оперную музыку, тихо подпевая знаменитым сопрано и баритонам, иногда со слезами на глазах: вместе с ними она оплакивала чужие великие чувства.

Перестала она слушать оперы и плакать чуть более месяца назад, когда в ее жизнь пришла любовь. Все, что было в жизни раньше, – то, что она принимала за любовь, – все это оказалось подделкой. Только сейчас, когда ей исполнилось тридцать шесть и когда она уже ничего не ждала от мелких современных душ, разъеденных, как молью, стяжательством, – только сейчас боги улыбнулись ей и ниспослали настоящее счастье. Настоящую Любовь. Достойную самой высокой оперы!

Обмирая от дурного предчувствия, Аида включила компьютер, открыла почтовый ящик.

«Мне кажется, за нами следят. Не пойму, кто, но хочу разобраться. Приходи сегодня в 22.00 в сад «Аквариум», как раз под конец спектакля. Там будет много народу, легче засечь шпиона. Иди сразу в глубь сада, за ресторан, не оглядывайся. Не бойся, все будет хорошо! Моя любовь уберезет нас!

Это письмо сотри, смс тоже!»

Аиде стало жарко. За ними следят?! Но кто?! Кому понадобилось?!

Его жене? Бред, они практически на грани развода...

Но тогда, выходит, ее мужу, Гектору?

К моменту встречи с Гектором, будущим супругом, у Аиды было позади два неудачных романа, о которых теперь и вспоминать противно. Не столько даже тех мужчин – мелких людей с мелкими чувствами, – сколько собственное стремление обольщаться. Стыдно теперь, задним числом. При том, что им даже не хватило ни ума, ни таланта, чтобы убедительно изобразить влюбленность! Они были так нелепы, так неумелы в своей игре, – а она прощала, жалела, принимала эту нелепость за застенчивость и смущение... А теперь вот стыдно. Фу.

Гектору же хватило и ума, и таланта.

Познакомил их отец. Привел Гектора в дом на Новый год и сказал прямо: «Я в вас вижу отличную семейную пару. Так что, дети мои, присмотритесь друг к другу как следует. Если сойдетесь, то свадьбу отпразднуем летом».

Гектор настойчиво и умело, с точно выверенной дозой романтизма ухаживал за ней несколько месяцев, затем так же настойчиво и умело уложил ее в постель. В обоих качествах – ухажера и любовника – он был безупречен, и Аида, сердце которой жаждало высокого накала чувств, решила, что лучшего, чем Гектор, в ее жизни все равно никогда не будет.

Видимо, ей по-прежнему хотелось обольщаться. Иначе как жить, если разувериться во всем?! К тому же его имя вписывалось в ту традицию, которую

задала в семье мать: она – Аида, сестра – Манон. Даже котенок – и тот Цезарь! Имя Гектор хоть и не имело оперного прошлого, но все же относилось к греческой мифологии. В чем Аида (а тем паче ее родители) усмотрела некий знак. И вскоре они поженились.

Конечно, Аиду не впервые посещали сомнения: ее отец еще работал в ту пору заместителем министра финансов и уже создавал свой бизнес. Мать была оперной певицей, хоть и не самой выдающейся, но все же немалую долю славы имела. Так что партией Аида была хоть куда, она прекрасно отдавала себе в этом отчет. Но Гектор, какой бы расчет ни был у него на уме, все-таки сумел быть (или казаться) чутким, внимательным, нежным. К тому же он охотно посещал с ней оперные спектакли – не только в Большом, но и в «Ла Скала» в Милане, и в «Гранд-опера» в Париже, и в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке. И даже был способен сказать что-то умное после спектакля!

Спасибо ему и на том. Аида старалась его любить, как умела.

Вот только часто слушала дома музыку и плакала. От несбыточности мечты о Великих Чувствах.

Лишь чуть больше месяца назад... – даже смешно, какие-то сорок четыре дня, всего ничего! – она ощутила, что живет настоящей жизнью. Полноценной жизнью, в которой высокий накал чувств взрывал грудную клетку невыносимым счастьем.

...Так неужели Гектор что-то заподозрил? И стал следить за ней? Аида была столь уверена в искусственности его «безупречной любви», сработанной на высшем уровне, – как срабатывают на заказ эксклюзивную вещь, – что... Что даже не слишком осторожничала.

Зачем ему следить? Он ее не любит – зачем ему? В их браке давно устоялась негласная договоренность: оба делали вид, что у них чудесный, на зависть всем, супружеский союз... Который омрачало только отсутствие детей. Однако ни он, ни она к врачам не обращались, причин бесплодия и способа устранить проблему не искали. Их обоих устраивало такое положение дел. Гектора, занятого бизнесом, – он крупный финансист, банкир, правая рука папеньки – по причине вечной нехватки времени. Ее – потому что... Потому что в этом

печальном мире, не знающем настоящих чувств, дети будут несчастливы.

Как она сама.

Множить несчастья на земле Аиде казалось неправильным и несправедливым.

Так с какой стати Гектору вздумалось следить за ней?

А если это не он – то кто?!

Аида выключила компьютер, пребывая в большой задумчивости, затем направилась на кухню, приготовила себе горячий шоколад. Еще некоторое время она безуспешно пыталась найти вразумительный ответ на этот вопрос, пока взгляд ее не упал на часы. Почти девять вечера! А она совершенно не готова к свиданию!

Аида кинулась в ванную, где провела немало времени, наводя красоту. Крупность ее фигуры и черт лица вызывали у нее комплексы, и потому она всегда крайне тщательно и придирчиво занималась своей внешностью.

Она завила аккуратными локонами черные волосы, ниспадавшие до плеч, обновила дневной макияж, умело подчеркнув небольшие, но выразительные глаза и крупный чувственный рот. Еще полчаса ушло на выбор туалета. Начинался май, однако погода стояла холодная, дождливая, – особо не разгуляешься... Аиде очень нравилась фраза, которую Манон написала в одной из своих рецензий: «Весна одевает деревья и раздевает девушек». Да только в последние годы весна совсем перестала быть благосклонна к девушкам. Придется одеваться потеплее... Подумав, Аида надела терракотового цвета юбку чуть ниже колена (выше ее ноги были полными, и она их стеснялась), светло-зеленый тонкий кашемировый свитерок с шалевым воротником, вырез которого опускался как раз до аппетитной ложбинки между грудями. Прозрачные чулки и ботильоны дополнили ее туалет. Сверху ее прикрыл серебристый плащ с капюшоном.

Так – духи, часы, кольца (ее большие руки всегда украшало несколько массивных колец), портмоне, права, ключи, айфон...

Аида вылетела из квартиры и только тут вспомнила, что не стерла ни письмо, ни эсэмэску!

Она посмотрела на часы: времени не оставалось. Опаздывать она страшно не любила. Равно как и заниматься своим телефоном за рулем. Она водила машину осторожно, если не сказать боязливо...

Ладно, сказала она себе. Сотру потом. Когда вернусь.

Они с Гектором жили в большой квартире в самом центре Москвы, в одном из переулков, отходящих от Тверской в сторону Никитских ворот. Доехать до сада «Аквариум», даже с пробками, не проблема. Она опоздала лишь на две минуты, что вполне простительно.

По дороге она прикинула: позвонить мужу и сказать, что сегодня идет к подруге? Нет, не стоит. Подобные нежности в их семье не приняты. Гектор сам завел это правило: он отучил ее задавать вопросы «где ты?» и «когда придешь?» Соответственно и Аида, хоть и нечасто отсутствовала вечерами, придерживалась такого правила. И никаких причин, чтобы сегодня изменять ему (правилу), она не видела.

Следуя полученным инструкциям, она двинулась в глубь сада. Народ, раскрыв зонты, и в самом деле шел на нее дружной встречной толпой – тек со спектакля театра имени «Моссовета». Только сейчас она оценила гениальность замысла: если за ней действительно кто-то следит, этот человек будет вынужден приблизиться к ней, чтобы не потерять ее в толпе... А тот, кто спрятался в глубине сада, легко вычислит его и узнает!

Аида старалась не оглядываться, не глазеть по сторонам, хотя очень хотелось засечь преследователя. Сосредоточенно пробралась через встречный поток людей, затем взяла правее, обогнув ресторан, пока не увидела его за деревьями. Повинуясь знаку, приблизилась.

– Тссс...

Ее обхватили в кольцо знакомые руки, а легкий ее вскрик заглушил страстный поцелуй.

Пылесосить квартиру Манон страшно не любила – однако любила чистоту, отчего взялась за уборку, размышляя о том, что Нинон она разбаловала. Слишком много ей платит и отдает своих одежек, – отчего эта милая бедная девушка разленилась, как кошка на сметане. Манон не удивится, если узнает, что Нина ничуть не больна, а просто «отбрехалась» от работы, чтобы... Кто ее знает, может, по магазинам пошастать захотелось, может, хахалю завела...

Манон потянулась было к трубке – проверить, дома ли сказавшаяся больной домработница, – но раздумала. Если девушка обманула ее, пусть на ее совести и останется!

Она принялась за ковер, ожесточенно елозя по нему щеткой. Котенок, Цезарь (в их семье других имен не водилось – только что-нибудь возвышенное, в мамином вкусе, спорить с которым Манон было лень), забился от ужаса при виде этого монстра под диван. Обычно (то есть уже месяц с тех пор, как сестра подарила ей котика) Манон брала его на руки, когда Нина пылесосила квартиру. Но теперь Цезарю пришлось туго: не может ведь, в самом деле, Манон взять его на руки, если в руках у нее пылесос! «Так что посиди под диваном, мой милый, – мысленно обратилось она к котенку, – пока я не закончу...»

Она наклонилась, чтобы подобрать конфетную обертку, которую Цезарь стащил из мусорного ведра (он любит все шуршащее), и не удержалась: посмотрела снизу в зеркало на свое отражение. Манон обожала зеркала, и были они в ее квартире повсюду, в самых неожиданных местах: в туалете, в коридоре, уж не говоря о комнатах. Даже кабинет не избежал этой участи, и массивное зеркало украшало всю стену напротив ее письменного стола.

Она с удовлетворением обзрела свои стройные ноги и аккуратный задик, облаченный в красные джинсовые шорты, да собственное порозовевшее лицо, по-дурацки свесившееся вниз, – так, что пышные каштановые волосы чуть не касались пола. В последнем пункте ей повезло, считала Манон: у матери и старшей сестры волосы были черными, аки воронье крыло. А у нее словно смешалась в генах «цыганская» мамина кровь и «русацкая» папина, отчего волосы ее были каштановыми, а глаза и вовсе голубыми. Манон находила, что

это очень красивое сочетание.

Впрочем, так считала не только она.

...Звонок Аиды прервал ее хозяйственную деятельность и немного озадачил. Сестра в последнее время удивляла ее сменой настроений. То блаженно-счастливая (такой Манон не видела ее давно... или никогда, пожалуй!) – то вдруг, как сегодня, встревоженная, озабоченная... Учитывая, что все проблемы материального плана в их семье давно и прочно были решены родителями, Манон оставалось только предположить, что у Аиды проблемы душевного свойства. А перепады настроения, приливы неумеренной радости, чередующиеся с приступами хандры, могут иметь лишь одно объяснение: сестра влюбилась!

Подобная мысль Манон не обрадовала. Аида была давно и прочно встроена в брак с Гектором, с благословения родителей. Стало быть, увлечение ее – на стороне. Родители, если узнают, не одобряют. Мама – потому что верит в какую-то неземную любовь Аиды к мужу (или делает вид, что верит? Чтобы оправдать собственный брак с папой, приземленным и циничным финансистом? Манон так и не разобралась), и очень болезненно воспринимает любое покушение на свои иллюзии. Папа – тут еще проще: он «пристроил» старшую дочь за перспективного в карьерном плане экономиста, которого взял в свою команду. Так что Гектор не просто зять – он еще коллега, ценный сотрудник, правая рука!

Ну а Гектор, будучи мужем, по умолчанию освобожден от понимания и сочувствия к «левым» увлечениям жены.

В общем, что в лоб, что по лбу, а результат один: никто не поймет и не одобрит чувства Аиды на стороне!

Надо попытаться разговорить сестру. И разобраться, что там у нее в личной жизни происходит. Лишь она, Манон, в состоянии не только понять Аиду, но и подсказать ей правильную линию поведения. По образованию Манон юрист-международник, а по призванию – психолог. Ну и по характеру человек решительный, не то что сестра... Хоть и старшая, но робкая, неуверенная в себе... А ведь могла бы задать всем жару! Яркая женщина, страстная и нежная, Аида сделала бы счастливым мужчину, способного оценить эти качества! Да

только где он бегают, ценитель этот? Вместо него – сухарь Гектор, изначально прогнанный под их папочку, который и сам Сухарь Сухарьевич...

Закончив разговор с сестрой, Манон сняла котенка с карниза, и в этот момент старинные напольные часы с маятником – презент мамы (кто еще мог ей сделать такой вычурный подарок!) – проббили час пополудни, застав Манон в самом пылу и разгаре уборочного драйва.

«Черт! – произнесла она. – Черт-черт-черт! Надо бежать!»

Бежать ей нужно было на работу, в благотворительный фонд, опекавший детей-инвалидов. Манон фонд возглавляла и являлась его основателем. Деньги, конечно, папочка дал, – ему чего, он уже не знает, куда их потратить... Скорее даже папочка их в этом фонде отмывал... Впрочем, Манон не хотела об этом знать. Ей куда милее думать, что отец дал эти деньги действительно из сочувствия к больным детям. Ну, и еще для того, чтобы дочь его младшая – Манон то есть – оказалась при деле.

До этого Манон поработала два годика в фирме папочки и в результате сбежала: от него самого, от финансов, от хитрых схем их передвижения (левых и правых). Идею фонда Манон отцу сама предложила: благотворительная деятельность поможет ему скостить налоги! Он, поразмыслив, согласился. А Манон нашла себе таким образом официальную работу по душе.

Еще имелась у Манон работа неофициальная, точнее, хобби: она уже несколько лет вела блог с рецензиями на фильмы. Писала она легко и образно, с хорошей долей юмора, умела аргументировать свою точку зрения, но без категоричности, – авторитет ее рос и теперь достиг весьма ощутимых высот. Выступала она в блоге под смешным псевдонимом «Манюня», никто не догадывался, кто скрывается за ним, так что уважение к мнению «Манюни» было исключительно ее личной заслугой. Она ни копейки за это не получала: когда к ней стала набиваться реклама, решительно отказалась, хоть сулили ей неплохие деньги, – но реклама подорвала бы доверие читателей, вызвала бы сомнения в ее беспристрастности.

Не так давно у Манон появилось еще одно хобби... Или ее маленькая блажь. Впрочем, даже не ее. Как-то сунулась Манон в один модный дамский журнал с

целью разрекламировать деятельность своего фонда помощи инвалидам. А хозяйка журнала возьми да предложи ей: а не хотите ли, дорогая Манон, вести у нас постоянную колонку на какую-нибудь тему?

Как бы хорошо ни знала Манон мир коммерческий, а все же в чем-то оставалась наивной... она тут же отозвалась: «Давайте буду у вас писать рецензии на фильмы!»

Издательша немедленно влезла в Интернет, бегло прочитала рецензии Манон в ее блоге, похвалила их и вежливо усмехнулась. Затем пояснила: «Наша аудитория не страдает повышенным интеллектом. Ваши рецензии рассчитаны на публику более искушенную... А вот если насчет косметики... или насчет моды... Вы одеваетесь с большим вкусом, – вот бы и нашим читательницам посоветовать, а? Не возьметесь?»

Манон вдруг вспомнила о своих увлечениях ранней юности: какое-то время она мечтала стать стилистом. И, вспомнив, сделала встречное предложение: «А если я выступлю в роли стилиста?»

Что было немедленно и с воодушевлением принято.

Конечно, поначалу Манон удивилась: огромное количество пишущих людей почло бы за счастье вести колонку в модном журнале, а уж тем более оказаться в роли стилиста! Это ведь какая самореклама, какой пиар себе, любимой! Не сразу она сообразила, откуда такая щедрость. Впрочем, весьма скоро все стало очевидно: издатель журнала рассчитывала на ее связи с бомондом, в который Манон была, конечно же, вхожа. В силу чего взять интервью у «звезды» для нее не являлось проблемой. Эти «звезды» усердно облизывали худосочный зад ее папочки: кредиты всем нужны! да на льготных условиях! (Уж не говоря о левых делах, что опустим...)

А модному журналу, понятное дело, требовались «звезданутые» личности, поскольку публика их любила, в силу чего журнал раскупала, повышая его тиражи... Вот так этот круг замыкался: «рука руку моет».

Осознав схему, Манон не удивилась, не огорчилась. Она давно знает, как все делается. Когда ей было пятнадцать лет и ее юное, неопытное сердце жаждало

справедливости и всеобщего блага, Манон как-то завела разговор с отцом. Дмитрий Тимофеевич был человеком авторитарным, сухим – но не тираном. И семью свою любил, Манон всегда это чувствовала, даже если папа на эмоции был скуп. Вот она и подобралась к нему однажды с вопросом: «Отчего наше общество стало таким жестоким, пап? Таким несправедливым, таким жадным?»

Отец неожиданно приобнял ее за плечи и сказал:

– Оно не стало, Манон. Оно таким было. Всегда. Просто раньше верхушка общества проделывала все это тайно, идеология не позволяла явить себя в естестве, противоречащем образу «строителя коммунизма». Теперь же идеологию отменили, и люди перестали бояться показать себя такими, какие они есть. А есть они, Манон, паршивые, ничтожные.

– Неправда! – расстроилась пятнадцатилетняя девочка. – Наша русская культура, литература...

– Тсс, – перебил ее отец. – Ты путаешь разные вещи. Сколько у нас великих писателей? Я никогда не считал, но, допустим, наскребем за девятнадцатый и двадцатый века штук пятьдесят великих имен. Ты, ребенок, читаешь их и думаешь: вот как красиво, вот как благородно, вот какое величие души! Но, милая, это всего лишь пятьдесят человек, которые думали красиво и благородно! А что они описывали, эти гиганты духа?

Манон растерялась, не понимая, к чему клонит отец.

– НАРОД, дочка. Теперь подумай: полсотни человек – это не народ. А вот он-то как раз твоими великими был отлично обрисован. Что сказал Пушкин про русский бунт?

– «Бессмысленный и беспощадный»...

– Это как раз то, что мы имеем сегодня.

– Пап, при чем тут бунт? Пугачев ведь...

– Пугачев собирался провозгласить себя царем. Царем, чуешь? Вот и сейчас у нас народ бьется не на жизнь, а на смерть, потому что каждый хочет стать «царем». Или хоть «царьком», в рамках отдельного крышуемого района или бизнеса. Так что не путай кучку интеллигентов с высокими идеями – и народ. Гоголь – один. А то, что он описал, все эти коробочки и собакевичи...

– Пап, – не дала ему договорить Манон, – хорошо, я мысль поняла. Но ты, – ты ведь не такой?!

– Такой, – отрезал отец и выпустил плечи дочери из-под своей руки. – Благодаря чему ты живешь, как принцесса. Учишься в лучшей школе Москвы и будешь учиться в лучшем институте страны, имеешь отличные шмотки, ешь здоровую и вкусную пищу, живешь в роскошной квартире, набираешься сил на лучших курортах... Все, иди делай уроки!..

Манон запомнила этот разговор на всю жизнь. И больше к отцу с вопросами не обращалась. Она чувствовала: в тот раз папа был с ней откровенен, но сразу же пожалел об этом. И больше откровенничать с дочерью не станет.

Не сказать, чтоб признания отца привели Манон к созданию какой-то стройной мировоззренческой системы, которая смогла бы объяснить и гармонизировать столь полярные вещи. В конце концов, она не философ! Но все же его слова открыли ей понимание... Понимание вещей, что ли...

Вот и в данном случае, ясно осознав подоплеку щедрого предложения от издательши журнала, Манон не стала от него отказываться. Народ – это сила. Борьба с ней бессмысленно, равно как и критиковать. Либо уходи в глухую оппозицию, то есть в никуда... И тогда сиди в своем «никуда», отрицая все и всех, – при этом непонятый и невостребованный. Либо действовать в рамках возможного и реального!

Манон выбрала последнюю опцию. И предложение приняла.

Таким образом, ее деятельность оказалась весьма разнообразной: и киноблог, и роль стилиста в модном журнале, и, самое главное, фонд помощи детям-инвалидам.

Более того, Манон практично рассчитывала, что ее имя на страницах одного журнала послужит рекламой для фонда, существовавшего на благотворительные взносы. Люди устроены таким странным образом, что куда охотнее дадут деньги известному человеку (не потому, что он порядочный – ведь известность не служит гарантией порядочности), чем никому не ведомой девице со странным именем (псевдоним, что ли?) Манон...

При всем этом разнообразии деятельности сама Манон очень мало зарабатывала. Не будь у нее поддержки семьи, она бы никогда не смогла жить на собственные доходы.

Мать говорила: «Мы тебя разбаловали!» – и к месту (не к месту тоже) вспоминала о своей трудной молодости.

Ну, молодость мамочкина трудная длилась недолго: пока она, красавица, начинающая оперная певица, не встретила папу, работавшего уже тогда на высоком посту в Министерстве финансов. С этой самой поры для нее засияли софиты лучших сцен. Усыпанный розами путь Ирины Ласкуновой уперся лишь в единственное препятствие, однако непреодолимое: прелестный ее голос был слабоват в диапазоне. Любая другая оперная певица никогда бы не сделала карьеру, даже отдаленно напоминающую мамину. Но она всегда удачно забывала об этом нюансе и помнила только свою «трудную молодость», служившую ей основанием для вечных попреков младшей дочери (старшей не выговаривали: Аида была безупречна, с точки зрения родителей). Вот маман и твердила постоянно, что Манон жизни не знает, все на блюдечке получать привыкла, к грязной работе не приучена, – и вспоминала, как ей приходилось подрабатывать студенткой консерватории, мыть полы в подъезде. Пока она не встретила папу, разумеется. Он влюбился в нее на концерте, который был устроен выпускниками консерватории и куда притащился министр культуры, а с ним еще несколько важных товарищей. Ирина блистала знойной красотой и чарующим своим голосом, и папа влюбился в тот же вечер.

Он был старше и уже вдовцом, детей не имелось. Брачевание состоялось пять месяцев спустя после их первой встречи. Вскоре после этого мама напрочь забыла, как моются полы. Вспоминала о них исключительно тогда, когда требовались «позитивные» примеры для своенравной младшей дочери...

...Время поджимало. Манон запихнула пылесос в чулан и бросилась в ванную. Ополоснувшись под душем, наскоро навела красоту. Обычно напрягаться не приходилось: Манон в свои двадцать шесть была свежа, как выпускница школы. Однако сегодня она отнеслась к макияжу особенно вдумчиво. Сегодня Павел с Наташей должны снова прийти...

В своем фонде Манон завела жесткое правило: денег не давать никому. Только покупка нужных вещей для инвалидов. Кресла, специальные кровати, лекарства – это пожалуйста. Но деньги – ни-ни! Их разложат по бездонным чиновничьим карманам. Манон все эти схемы слишком хорошо знала и потому, не боясь прослыть сквалыгой, деньги выделяла строго, под конкретные покупки, и еще строже проверяла, как они расходуются.

Павел пришел в ее офис неделю назад, с сестрой лет шестнадцати в инвалидном кресле. Полиомиелит искорежил ее ноги и одну руку, и девочка с чудным живым лицом, на котором отражались мысли и эмоции, оказалась прикована навечно к каталке. Как скупо пояснил Павел, их мама, поддавшись модному веянию, отказалась делать дочери прививки, предписанные в младенческом возрасте... В том числе и от вакцины против полиомиелита. «Мама хотела как лучше, – добавил он безо всяких эмоций. – Вакцины нередко приводят к осложнениям».

Да уж... Манон пока детей не имела и такими вопросами не задавалась, но сейчас вдруг с ужасом подумала, что однажды ей тоже придется делать выбор. Вакцины, она слышала, действительно приводят к осложнениям, но такое «осложнение», как паралич, ведь хуже... Это страшно!!!

Она снова посмотрела на Наташу. Умненькая мордашка ее свидетельствовала о полном осознании беды. И еще о мужестве, с которым девочка сумела ее принять.

Манон часто задавала себе вопрос: если уж человеку суждена инвалидность, не лучше ли уж родиться дебилем? По крайней мере, мозг несчастного хотя бы не будет осознавать всю масштабность несчастья... Страшна ведь не сама беда, а ее осознание. Страшна не сама смерть, а знание, что умираешь... Разве не так?

На старшего брата девочки Манон не сразу обратила внимание: просто кто-то вез инвалидную коляску, некий человек за черной спинкой кресла. И даже когда

он пояснил насчет полиомиелита, она на него толком не посмотрела, замороженная лицом девочки. Но потом они расположились у Манон в кабинете, Павел вышел из-за спинки, сел в кресло для посетителей... и устремил на нее светлый, как у сестры, взгляд. Светлый не по цвету глаз, нет, – глаза у обоих были золотисто-карие. Но в них жил свет.

Павел скупно изложил ей ситуацию – такую же печальную, как у многих других ее посетителей. Отец умер, у матери (типографского работника) зарплата маленькая... Необычность же этой ситуации состояла в том, что Павел постарался взять эту ношу на себя. К Манон чаще всего обращались матери больных детей. Реже отцы, иной раз сестры. А вот братья... Кажется, в первый раз.

Вопрос за вопросом, и Манон уяснила, что Павел не смог позволить себе учиться в институте: нужно было помогать семье.

Редкое самопожертвование. Манон хотелось спросить, о какой профессии мечтал Павел, – но воздержалась. Опыт подсказывал, что такого рода вопросы люди склонны воспринимать как участие, что позднее оборачивалось просьбами помочь еще и им. Тогда как у Манон задача была строго одна: помогать инвалидам. Точка.

Они перешли к обсуждению проблемы: Павел просил найти для его сестры приспособление, которое помогло бы ей пользоваться правой непослушной рукой. Левая работает, но печатать да еще управлять мышкой левой (при том, что Наташа по природе правша), это занимает у девочки столько времени, что она тратит едва ли не час на написание одного абзаца.

«Наташа, – говорил он, – не смотрите, что юная, только семнадцать лет, – уже зрелый и умный литературный критик. Она много читает и умеет говорить о книгах так красочно и убедительно, что у нее собираются большие аудитории на одном известном литературном сайте! Пока что пишу за нее... то есть набираю тексты я».

Манон, сама писавшая рецензии на фильмы, обычно собиравшие несколько сотен комментариев, – одновременно и восхитилась, и насторожилась.

– Покажите! – строго произнесла она.

Павел пересел за начальственный стол, следуя приглашающему жесту Манон, открыл в компьютере страничку, где публиковались рецензии Наташи.

В самом деле... – Манон, бегло прочитав пару рецензий, убедилась: Наташа писала не по возрасту зрело. Впрочем, неудивительно: инвалиды нередко дают фору «нормальным» людям на десяток-другой лет зрелости. Болезнь и страдание открывают им истины, которые другим остаются долго неведомы... Если не навсегда.

– Ну что ж, коллега, – кивнула она Наташе, – постараюсь помочь. Существуют программы, которые сами набирают текст под диктовку, и я готова...

– Мы уже пытались с ними поработать, – вежливо перебил ее Павел. – Но они недостаточно хорошо реагируют на голос, делают много ошибок, после них текст все равно надо править. Так что без моего участия не обойтись. А Ната хочет быть независимой в своей работе.

– К тому же я вношу много исправлений, – подхватила Наташа, – а эти программы плохо приспособлены для такой задачи. А я хотела бы... если не держать брата при себе... Он у меня и так как сиделка... А у него ведь своя жизнь!

– Не говори глупостей, Ната. И не ссылайся на меня. Ничего нет стыдного в том, что я тебе... Я Натке мешаю, – обратился он к Манон. – Помогаю, но при этом мешаю! Она переживает, что много правит, – вроде как задает мне лишнюю работу, – или долго раздумывает над тем, как получше сформулировать фразу, и ее стесняет, что я жду... Это не дает ей как следует сосредоточиться, понимаете?

– Разумеется, – кивнула Манон. – Объясните мне только получше, о каком приспособлении идет речь. Я никогда о нем не слышала.

– Мы тоже. Не факт, что оно вообще существует. Но изготовить его просто, мне кажется. У Наты рука парализована от локтя, а выше двигается нормально. Вот если бы к ее предплечью присоединить что-то такое, что могло бы управлять мышкой... Как-то так, – и Павел набросал схему на маленьком голубом листке бумаги для заметок, лежавших на ее столе.

Выслушав, Манон поднялась, чем давала понять, что аудиенция закончена: в приемной ждали еще десятка два инвалидов, с которыми вела предварительную («пропускную») беседу ее секретарь, Надя, отсеивая разного рода мошенников и проныр.

– Я проработаю этот вопрос. О результатах вам сообщим через... ммм... Постараемся уложиться в неделю.

Эти двое даже не подозревали, насколько сложную задачу задали они Манон. Она действительно никогда не слышала о подобных приспособлениях, – никто до сих пор не просил у ее фонда помощи такого рода. Так что требовалось сначала их найти, затем связаться с фирмой-изготовителем и разузнать о технических характеристиках, потом с фирмой сторговаться, по возможности... Деньги у Манон имелись в распоряжении немалые, если считать цифрами. Но если эти цифры поделить на количество людей, просивших ее фонд о помощи, то на каждого получалась ничтожно малая сумма...

Выходя (выезжая...) из ее кабинета, оба, брат и сестра, обернулись. И одарили Манон такими взглядами... такими полными веры в нее взглядами, что у нее колени ослабли. Она медленно опустилась в свое директорское кресло, уже зная, что для них она в лепешку расшибется, но найдет нужное приспособление! И не только его: она еще задействует все связи, чтобы опубликовать в прессе рассказ об удивительной девушке Наташе и ее брате...

Нет! О ее брате писать совершенно незачем! Накинутся на него толпы неудовлетворенных дамочек, почуяв самоотверженную душу! А Манон... А ей... ей самой хотелось поближе познакомиться с Павлом...

«Потому что ты и есть «неудовлетворенная душа», – с сарказмом констатировала она, посмотрев на себя в зеркало (естественно, в ее кабинете оно тоже водилось). – Если так и дальше пойдет, то придется тебе, милая, – продолжала она свой спич к отражению, – пересесть в инвалидное кресло! Если, конечно, существуют кресла для душевных инвалидов...»

По большому счету, хоть Манон и считала себя полной противоположностью Аиде, но, как и сестра, жила в ожидании высокого накала чувств, который ей однажды принесет великая любовь...

Дело было только за мужчиной, способным подарить ей этот накал. А он все никак не появлялся. Однако Манон дала себе зарок: ошибки Даши она не повторит. И ни за кого «гекторообразного» замуж никогда не выйдет!

Лучше быть одной. Ей вполне неплохо одной, между прочим...

За прошедшую неделю она, не доверив эту работу сотрудникам, сама провела фундаментальное исследование вопроса. Похоже, что приспособление такого рода и впрямь не существовало. Зато она нашла совсем другое: бионический протез. Эта искусственная рука могла управлять пальцами, совершать точные движения – не только печатать на клавиатуре, водить мышку, но даже листать страницы в книге!

Однако не все делается так быстро, как хочется: она начала переговоры о цене, попыталась выбить скидку. На превосходном немецком Манон соблазняла фирму рекламой (мол, распишем, как вы помогаете инвалидам!), прося скостить крутую цену... А фирма отписывала, что «такого рода реклама нам не нужна, иначе все инвалиды кинутся просить нас пожертвовать финансовыми интересами предприятия ради их нужд. Мы очень сочувствуем людям, пораженным недугом, однако не можем отдавать нашу продукцию по заниженной цене! Поймите нас правильно...»

Манон понимала правильно. Не зря она получила отличное образование: все эти тайные и явные финансово-экономические соображения были для нее абсолютно прозрачными.

В конечном итоге, после обмена несколькими письмами с изготовителем, она все же решила выделить огромные деньги – свыше тридцати тысяч евро, почти полтора миллиона рублей! – для Наташи. Более того, теперь она знала, что существуют такого же рода протезы и для ног. С ними Наташа могла бы стать совершенно независимой! Но...

НО. Это стоит о-о-очень дорого. Помогая Наташе, она лишит помощи других людей. Только если постепенно, не сразу, по мере поступления средств... Об этих протезах она пока и говорить не станет. Будут деньги – будет и Наташе сюрприз.

Существовала и другая загвоздка в этом деле: для того, чтобы носить протез, нужно согласиться на ампутацию неработающей части руки (и ног, если финансы пойдут)! Протез, без сомнения, сможет выполнить утраченные функции... Но согласится ли девочка на то, чтобы ее лишили части тела, – пусть и неработающей части, – чтобы вместо нее приставить железку? Умную, работающую, но все-таки железку...

«Стоп, – решила Манон. – Сначала обсудим вариант с рукой. А там видно будет. Если Наташа согласится на ампутацию руки, если сживется с протезом, если поверит в то, что и ноги ее можно таким же образом заменить на искусственные... Тогда и будем думать о денежках для них».

Конечно, она могла бы уведомить о своих находках Павла по телефону. Но ей очень хотелось снова увидеть его и Наташу, их золотистые живые глаза. И она не стала звонить. Пусть придут. Она им расскажет, что сумела сделать за столь сжатые сроки. Они это оценят!

Вот поэтому сегодня Манон накладывала макияж с особой тщательностью.

Подумав, она решила надеть бледно-голубой короткий свитер, связанный редкими петлями из шелковой нити, – так, что под ним просвечивал темно-синий топ. Ну и джинсы, как всегда. Манон терпеть не могла манеру одеваться матери и старшей сестры: все эти тяжелые, душные, дорогие платья с переливами парчи и стразов «от» какой-нибудь очередной звезды шмоточного дизайна. Ладно еще мама: хоть она и ушла со сцены, но ее привычка к блеску понятна. А вот Аиде совсем ни к чему! Это ее старит, делает из нее какую-то куклу...

Стоп! А ведь в прошлый раз... да, точно, в прошлый раз Аида пришла к ней в брюках! Манон тогда еще удивилась: до сих пор сестра категорически не признавала этот вид одежды. Да и вообще Дашка стала одеваться значительно проще, чем раньше. Но Манон забыла спросить, с чем связаны такие эпохальные перемены в ее стиле. Надо будет подъехать к сестрице, разузнать, в чем там дело... Нового кутюрье завела, что ли?

Или все-таки влюбилась?!

Примчавшись к себе в офис, мило и скромно обставленный (было бы верхом безвкусицы обставлять его дорогой мебелью, когда к тебе приходят за помощью бедные люди!), Манон первым делом поинтересовалась у сотрудницы, как там дела с поступлением новых благотворительных сумм. И с неудовольствием услышала, что плохо.

– А что отвечают?

– Ничего внятного. Но смысл один: им надоели разные побирушки.

– Побирушки?!

Манон почувствовала, как у нее зубы заныли от ярости.

...Поначалу многие крупные бизнесмены и прочий богатый люд охотно давали деньги: им нравилось слыть добряками, заботящимися о больных детях. К тому же Манон была известна как дочь своего отца, крупного финансиста, недавнего замминистра финансов, а ныне президента межбанковского комитета и владельца парочки крупных холдингов, – отчего «благотворители» его задабривали взносами в фонд дочери: мало ли, связь с такой фигурой всегда пригодится! Манон слишком хорошо знала эту среду и прекрасно понимала, что каждый имел в этом деле интерес, весьма далекий от инвалидов.

Однако, внося деньги один раз, – отметившись, так сказать, – все эти граждане больше помогать фонду не хотели. Элементарно жмотились.

Она набрала номер одной редакции.

– Оля? Помнишь, ты печатала мой материал о четырех наших звездах попсы и двух банкирах, которые дали деньги для фонда?

– Конечно.

– Так вот, больше не хотят.

- Не удивила. Они лучше унитаза для своей ж...ы отольют из чистого золота, чем поделятся.

- Давай их прижучим! Я уже статью набросала. Сейчас загружу тебе по мылу.

- Не суетись. Они все в друзьях у нашего главного, не пройдет...

Манон набрала еще несколько изданий, с таким же успехом. Повезло ей на шестом звонке. Знакомая редактор, выслушав ее, сообщила:

- Давай предложим этот материал Александре Касьяновой! Знаешь ее?

- Слышала...

- Она сделает проблемную статью, если заинтересуется.

- Вообще-то я хотела тебе предложить не статью, а небольшую заметку... Ехидную!

- Не пройдет, Манон. Это народец зубастый, с больным самолюбием и с большими связями, затрахают всю редакцию. А Касьянова может сделать проблемную статью, где будут примеры...

- И чем это лучше моей заметки? - почти обиделась Манон.

- Александра умеет написать...

- А я не умею? - возмутилась Манон.

- Подожди, не баламуть. Касьянова умеет написать круто, при этом без конкретных имен. Намек будет прозрачным, но никто из них шум поднимать не станет - не посмеет признаться, что узнал себя в портрете! По принципу «неча на зеркало пенять, коли рожа крива»! Она это отлично умеет, можешь мне поверить. Поставим статью на нашем интернет-портале, там у нас жизнь посвободнее.

– Уговорила... Как с ней связаться?

– Погоди, она, по-моему, сейчас в редакции. Жди у телефона.

Через несколько минут Манон ответил приятный голос: «Александра Касьянова, слушаю вас»... Что-то в нем было золотистое и светлое, как глаза Наташи и Павла.

– Давайте сделаем так, – выслушав, произнесла журналистка. – Через три дня мы всей семьей улетаем в отпуск, так что статью я не могу обещать вам раньше, чем вернусь. Но приходите ко мне в редакцию завтра. Часов в одиннадцать, вас устроит? Обсудим детали, а в отпуске я напишу черновик. Покажу вам по возвращении, внесем уточнения, и тогда уже опубликуем. Лады?

Манон согласилась. По большому счету, выбирать не приходилось. Только если обратиться к папе, чтобы он нажал на нужные рычаги... И тогда деньги ей, без сомнения, понесут... Но ей хотелось, с помощью журналистки Касьяновой, пробудить в людях... в спонсорах... совесть. В конце концов, ее фонд – благотворительный, а это такая вещь... вопрос совести! Они должны, просто обязаны очнуться! Понять, что нельзя тратить по миллиону зеленых на Деда Мороза для грудного ребенка, который ничего не смыслит! Когда рядом есть нуждающиеся, несчастные, больные... Тем более такие светлые люди, как Наташа! И ее старший брат...

Она еще не рассказала о них Александре. Но уже чувствовала, что журналистка на одной с ней волне. Манон приведет ей этот пример завтра. И они вместе сделают такую статью, после которой никто из раздолбаев не посмеет уклониться от взносов в ее фонд!!!

Посмотрев в зеркало, она одернула шелковый свитер и села за стол: сейчас к ней должны прийти Наташа с Павлом...

Однако первым в ее кабинет вломился Петька. Петр Ломов (фамилия очень подходила к его наглой морде!), красавчик, сынок одного банкира.

– Манюша, душенька! «А я денежку принес, – запел он фальшиво, – за квартиру, за...» Как там дальше?

– «за январь».

– Это «Операция Ы»?

– Она самая.

– Я знал, что ты не подведешь, киноманка моя! Так я денежку принес для твоих убогоньких!

– Сядь, – произнесла Манон с легким отвращением.

– И что ж ты меня так не любишь, красавица? – Ломов уселся в кресло, ногу положил на ногу, сверкнув дорогим ботинком.

– С какой стати, Петюня, мне тебя любить? – поинтересовалась Манон.

– Да хоть с такой: я денежку тебе...

– Не мне.

– Ну ладно, на благое дело! – Петя заржал, оскалив великолепные зубы.

– Вот именно.

– Ну, принимай.

И Петя начал отсчитывать купюры. Манон молча следила.

– ...сто... сто пятьдесят... двести... четыреста... Следишь?

– Слежу. Ты скажи мне еще раз: зачем наличными приносишь? От налогов безнал лучше действует.

- Да какая разница... Пятьсот... Все. Пятьсот тысяч, принимай! И расписочку выдай. С расписочкой тоже хорошо. Не волнуйся за мои налоги.

- Да мне по барабану, Петюня.

Манон пересчитала деньги и принялась писать расписку.

- Когда вы изволите поужинать со мной, мадемуазель? – задал свой обычный ернический вопрос Петька.

- «Мадам», – хмуро откликнулась Манон.

- Ты вышла замуж? – изумился Петька.

- Нет пока. Но обращение «мадемуазель» во Франции отменили.

Петя присвистнул.

- И что теперь вместо него?

- «Мадам».

- Типа все замуж повыходили?!

- Типа неприлично разделять женщин по признаку семейного положения, – прояснила Манон смысл новейшего течения.

- Ишь ты... выходит, теперь я даже не узнаю, вышла ли ты замуж?

- Как и я: не узнаю, женился ли ты наконец, неугомонный! – засмеялась Манон.

- О, я не женюсь никогда, можешь быть уверена! Я тебе буду верность хранить, Манюша!

Петька был единственным, кто называл ее столь фамильярно: «Манюшей». Знакомы они были по МГИМО, однокурсники, хоть Петька на два года старше: он

успел в армии отслужить до поступления. Армия для Пети выглядела весьма щадяще, с учетом положения его папеньки: служил в столице, каждый выходной домой заявлялся – Петюня сам ей рассказывал. Но пунктик этот армейский в его биографии вышел существенный, и в МГИМО его взяли даже без папочкиных связей... Так утверждал Петька.

Он ухаживал за ней еще тогда, в студенческие годы, – но точно так же, как и теперь: ернически, шутливо. Был у них какой-то момент в отношениях, когда Манон почудилось, что Петька всерьез влюблен... Что-то он такое однажды сказал, после занятий, когда они брели по парку, загребая ногами осенние листья, вдыхая их терпкий запах, и он вдруг взял ее за руку, легонько потянул к себе и сказал...

Манон не помнила что. Зато помнила, как вдруг все закружилось у нее внутри. Так сильно, что засосало под ложечкой. И кружение это невыносимое остановилось в тот момент, когда он поцеловал ее. В губы. Тут вдруг все затихло – необыкновенно и странно. Будто она оглохла, и больше ни один звук не долетал до ее слуха. Несколько мгновений они смотрели друг на друга в оцепенении после этого поцелуя.

А потом оба приняли бодрый вид. Словно ничего и не было.

Да, собственно, разве что-то было?

В общем, Петьку нельзя даже назвать ее первой любовью, поскольку о любви речь никогда не шла. Был только поцелуй... Головокружительный и... и ни к чему не обязывающий. Вот и все. Их обоих подобная трактовка устраивала. Ни продолжения, ни претензий, ни лирических воспоминаний. Мало ли, голова кружилась... Подумаешь... Проехали.

Петька наконец свалил. И буквально через две минуты секретарша объявила, что пришли Павел с Наташей.

Манон откинулась в кресле, будто в предвкушении праздника.

«Не прав ты, папа, – она снова возвратилась мысленно к тому давнему разговору, – не прав! В литературе, кино, даже в журналистике тон задают драмы, непременно что-то негативное. В хорошем, в положительном, в счастливом нет драматургии, нет действия, нет течения между разными полюсами. «Они любили друг друга всю жизнь» – разве из этого можно создать произведение? С перепадами, с неожиданными ходами, поворотами сюжета? Нет, разумеется, нет! И твои рассуждения, папа, ни к черту не годятся! Эти великие, на которых ты ссылался, они избирательно описывали негатив! Из чего никак не следует, что все у нас непременно негодяи и алкаши! Видел бы ты эту парочку, брата с сестрой! Видел бы ты эту самоотверженность, любовь, заботу! Романа об этом не написать, – разве только, к примеру, Наташа чудом исцелится, а затем брата предаст. Тогда – о, да! – получится сюжетец для «великих»! Но Наташа не исцелится никогда, чудес не бывает, и брата никогда не предаст... И не напишут о них «великие», потому что драматургии нет, папочка! Так что не стоит судить о народе по книжкам! Даже по самым гениальным!»

– Можно? – Павел приоткрыл дверь.

– Конечно, я жду вас! Проходите... проезжайте. У меня для вас хорошие новости!

И Манон принялась с увлечением описывать свои достижения.

Наташа смотрела на нее с восторгом, словно видела перед собой фею, в складках платья которой прячется волшебная палочка. Павел глядел иначе: с ожиданием. Будто хотел сказать: ну, посмотрим...

Манон не обижалась. Им, этим двоим, должно быть уже не раз что-то обещали... Да воз и ныне там, без сомнения.

– Я даже не знаю, как вас благодарить! – порозовела Наташа от радостной надежды и от смущения. – Вы даже не представляете... это трудно представить здоровому человеку, я понимаю!.. – какой великий подарок вы нам сделали!

– Еще не сделала, – Манон и сама смутилась. – Пока не надо загадывать...

– У вас все получится, я чувствую! Вы такой человек... Вы добьетесь, я точно знаю! И Павлик тогда сможет хоть немного от меня отдохнуть... У него будет время писать иконы...

– Иконы? – подняла брови Манон.

Павел деликатно кашлянул и принялся что-то объяснять по поводу религии и своих убеждений...

Манон не вслушивалась. Она поняла одно: эти глаза светились золотистым светом не для нее.

Ну что ж, она уважает его выбор. И, разумеется, сделает для Наташи то, что обещала. Впрочем, она еще не все им сказала...

– Есть нюанс. Протез этот, Наташа, можно поставить только вместо руки. Вместо.

– Это что значит?.. – оторопела девочка.

– Вы хотите сказать, что... Что руку надо ампутировать... – заговорил было Павел.

– Ампутировать, – не дослушав, подтвердила Манон. – Протез нельзя прикрепить к действующей части руки, – только вместо нее. Так что подумайте. Вот фотография этого протеза и его описание, – Манон протянула им распечатку, которую самолично перевела на русский язык, – и вот компакт-диск, я записала для вас демонстрационный фильм. Решение за вами. С моей стороны – я, мой фонд, – мы готовы протез оплатить.

Она хотела добавить: это, мол, очень дорого стоит, и, помогая вам, мы обделяем других... Тогда как Наташа, по большому счету, не так остро нуждается, как другие инвалиды, у которых вообще нет близких, которые могли бы за ними ухаживать...

Но Манон не произнесла эти слова. Творческая работа – это кому-то, возможно, и блажью покажется... Только не Манон!

– Сколько у нас времени на размышления? – спросил Павел.

– Сколько угодно. Просто позвоните мне, когда примете решение.

Она поднялась, прошла к двери, распахнула перед братом и сестрой.
«Следующий!» – возвестила она и вернулась за свой стол.

Она приняла еще шесть человек, отобранных секретарем, внесла в компьютер необходимую информацию обо всех. Двум Манон сразу приписала: «Отказать». Эти являлись, дыша ей в лицо перегаром, – ясно, что любую помощь, даже в виде конкретных материальных ценностей, – загонят! Будь то специальная кровать, или инвалидная коляска, или костыли, ходунки... неважно, что, – продадут в обмен на несколько бутылок! Надо будет секретарю сказать, чтобы не пропускала таких к Манон.

Еще трем она приписала в своем файле: «Уточнить подробности, проверить состояние». Это касалось тех случаев, когда клиенты пытались выторговать деньги на лекарства или на специальное питание, якобы... а может, и действительно прописанные врачами.

В общем, мороки хватало. Для одних благотворительный фонд – последняя надежда, а для других, ушлых, – чистая халява. Последнего Манон допустить не могла, отчего каждое досье рассматривала с большим пристрастием.

Она откинулась в своем кресле, ощущая усталость. Кому-то, – кто бегают целый день по кабинетам и этажам, кто корпит над проектами или мудреными отчетами, – ее работа могла показаться легкой, без сомнения. Она не бегают и не корпит над бумагами – она сидит в начальственном кресле за начальственным столом, и к ее услугам небольшой, но эффективный штат людей, которые как раз бегают, проверяя информацию. Но эмоционально... Ее работа была эмоционально выматывающей. И завистники – а такие водились, конечно же, – ее поражали. Видеть в течение шести рабочих часов сплошное бедствие и горе – это вам не по этажам бегать, мышцы ног накачивать!

От сострадания устаешь. Сильно. Позавидовать ей мог только человек, лишенный сострадания... Но не дай бог такому оказаться на ее месте.

Именно поэтому Манон занималась приемом клиентов сама. И никому не смогла бы передоверить свой пост. Хотя у нее были для этого финансовые возможности. Вполне могла бы нанять директора-распорядителя...

Она прикрыла глаза. На сегодня все. Чуть расслабиться... и домой!

– Манон, к вам тут посетитель, – проговорила секретарша. – Он не записывался на прием, но сказал, что деньги хочет в фонд внести...

– Запускай через минуту.

Манон села поровнее, быстро припудрила лицо, обновила помаду. Она знала, что ее привлекательная внешность играет не последнюю роль в пробуждении энтузиазма дарителей. Так уж нелепо мир устроен: деньги вроде несут для инвалидов, а меж тем несут их именно в этот фонд (ведь есть еще множество!) ради ее хорошенькой внешности... И ради папочки, разумеется. Кто как. Или по обеим причинам сразу.

Минута прошла. В дверь снова стукнули.

– Да! – откликнулась она.

Приятное лицо. Чувство собственного достоинства сочетается с определенной интеллигентностью.

– Меня зовут Константин... Евгеньевич. Вот моя визитка...

Посетитель вложил ей в руки кусочек плотной черной бумаги, на которой золотом было выведено что-то... Что пока не интересовало Манон.

– Присаживайтесь. Какое у вас ко мне дело?

– Я давно и с удовольствием читаю ваши рецензии на фильмы, если честно... Можно сказать, я ваш поклонник. По крайней мере, фильм смотреть не буду, пока ваше мнение не узнаю, – он улыбнулся, обнаружив ямочки на обеих щеках. – Но только недавно узнал, что вы возглавляете фонд помощи детям-

инвалидам... В наше время столько развелось фондов, и большинство из них сомнительных, что я никогда и не помышлял заняться благотворительностью... Однако...

Посетитель застеснялся и умолк в самом интересном месте.

- Вы не помышляли, - сухо напомнила ему Манон, не имевшая склонности покупаться на комплименты. - Но теперь пришли в мой фонд. Что дальше?

- Я деньги для вашего фонда принес...

- Наличные?

Манон вспомнила Петьку.

- Вы что-то имеете против?

- Абсолютно ничего. Я очень рада, что вы хотите помочь больным детям. Но вы могли бы прислать курьера. Вы человек занятой, без сомнения...

Она взяла в руки визитку: «Генеральный директор ЗАО «Знаток». Кажется, это... Крупный интернет-портал плюс несколько печатных изданий, оседлавших тему недвижимости, ремонта, дизайна, архитектурных проектов для квартир и дач... По существу, холдинг. Солидное заведение, тем более что у него водились в основном богатые клиенты, из сегмента «люкс».

Константин Евгеньевич Ерофеев, так звался ее посетитель.

- Так я же сказал... Я ваши рецензии всегда читаю... И мне они очень... Мне давно хотелось познакомиться с автором, если честно. А тут я узнал о вашем фонде... И вот, пришел. Вы примете мой вклад, надеюсь?

- Разумеется. И напишу вам расписку.

- Напишите... А можно вас пригласить со мной поужинать?

– Константин... – она снова посмотрела в визитку, – Евгеньевич...

– Просто Константин.

– Простоконстантин, – согласилась Манон, – сдастся мне, что вы принесли деньги для фонда как предлог, чтобы познакомиться со мной?

– Хм... Это вам неприятно?

– Не знаю пока.

Манон не изменила себе, – несмотря на ямочки, – и была подозрительна. Несколько секунд она рассматривала своего нового знакомого более внимательно.

Круглая голова с коротким ежиком темных волос, треугольные скулы и светлые глаза. Светлые в прямом смысле, не как у Павла, не золотистые, – а голубые. Точнее, на голубом ирисе серые радиальные полосы, как лучики.

И ямочки, черт побери!

– Хорошо, только завтра. Сегодня я занята.

– Тогда, может, сходим выпить кофе? Ненадолго...

Получилось надолго. Они говорили сначала о кино – Константин оказался знатоком, чем ее подивил. Затем он рассказывал о своей работе, а она о своей, потом пустились в воспоминания детства... Он, конечно, слышал о ее семье, – кто ж не слышал! – но интересовали его отнюдь не финансовые аспекты (иначе бы Манон непременно подумала, что он ищет в ее лице новую клиентку... А то и богатую невесту!). Напротив, он расспрашивал об отношениях в семье, говорил, как ценит сам теплоту и доверительность, приводил в пример свои отношения с мамой и братом, которые назвал «не столько родственными, сколько дружескими»...

Манон это понравилось. О человеке нужно судить в первую очередь по тому, как он относится к близким. Как бы ни расстился у ее ног поклонник, готовый мчаться на край света ради выполнения ее прихоти, но если он оказывался груб с родителями (что легко выдавал первый же телефонный разговор в ее присутствии), – все, с места поклонника такой тип немедленно увольнялся. В число его близких она попадать не собиралась.

После кофе они все-таки заказали горячее, и получился ранний ужин.

Манон была этому рада. И общению с Константином, человеком приятным и легким, и ужину: после кофе она ощутила сильный приступ голода, – и тому, что закончилось все рано. Ее действительно ждала дома работа, и она распрощалась с Константином до завтра, до настоящего ужина в каком-то загородном ресторане, куда он намеревался ее пригласить.

Дома она оказалась только в девять. Первым делом закончила обещанную подборку туалетов и косметики под модель, которая должна была представить на страницах модного журнала «современную успешную женщину». Туалеты были, естественно, от тех фирм, которые давали рекламу на его страницах, что ограничивало полет фантазии Манон, – но все же получилось очень неплохо. Элегантность в сочетании с раскованностью, легкость и непринужденность – без всякой вычурности, дорогой громоздкости, которая столь присуща тетенькам при деньгах, скупающим без разбору и понятия любое произведение «от кого-нибудь», уродующее и тело, и сознание... Точнее, самосознание.

Хозяйка журнала будет довольна: в роли модели выступила одна начинающая певица – еще не звезда, но уже вполне звездочка, – которая нравилась Манон не бл... непродажным выражением лица. И звездочка останется довольна: ей, восходящей, тоже нужна реклама. И марки-рекламодатели будут довольны, поскольку девица на редкость хороша собой.

В общем, сплошной гешефт.

Она откупорила бутылку красного бордо, налила себе бокал и снова села к компьютеру. Так, теперь за рецензии!

Однако некоторое время она смаковала вино, вспоминая сегодняшний день – Павла с Наташей, Петьку и Константина... Который, прямо скажем, очень скрасил разочарование, оставшееся у нее после известия, что Павел...

Какая теперь разница, собственно.

Потом она подумала об Аиде. Надо б ей позвонить. Дашка что-то собиралась спросить у нее... И самой ей очень хотелось узнать у сестры, что за мужчина в ее жизни появился...

А ведь появился, как пить дать!

Но к Дашке так просто не подъедешь. Они не были подружками, как это иногда случается между сестрами, – и дело даже не в возрастной разнице. Просто Аида жила в мире, где царили высокая музыка и возвышенные чувства, и решительно не хотела видеть мир за окном, ранивший ее душу своей грубостью. Может, она потому и согласилась на брак с Гектором, – брак, который папенька ей активно навязывал, – что поняла: жизнь никогда не подарит ей таких чувств, как в опере, так хоть пусть будет у нее своя «башня из слоновой кости», обеспеченная стараниями будущего мужа.

Сестры любили друг друга и часто общались, но секретами не делились. Да и не было у них никаких секретов, если понимать под ними разговоры о любви и любовниках. Манон пока не видела среди своих поклонников никого, стоящего обсуждения, а у Аиды их, поклонников, попросту не имелось... До недавнего времени, судя по всему.

Кто мог стать избранником сестры, Манон не представляла. Одно точно: это человек не их круга, каковой Аида презирала и всячески игнорировала. Манон относилась к делу проще: считала его неизбежным злом, с которым приходится жить, коли другого не дано.

Стало быть, избранник сестры должен быть по определению одухотворенным, честным и бедным. Примерно как Павел. Только не иконописец, конечно, потому что он уже принял или примет в скором будущем монашество, – так им положено, иконописцам. А этот человек любит Аиду, без сомнения, – отчего она в последнее время прямо-таки светится...

Манон вдруг решила спросить сестру. Ну и ладно, пусть бестактно, – в конце концов, если Аида не захочет отвечать, то так и скажет!

Она набрала номер ее мобильного: хоть Гектор практически не бывает в такое время дома (да и в любое другое время тоже), но попасть на него Манон не хотелось.

– Машунька, я спешу, – услышала она запыхавшийся голос сестры.

– Ты на улице?

– Да, да, – чуть досадливо ответила Аида.

– Куда идешь?

И вдруг Манон сообразила.

– К нему? – лукаво добавила она.

В трубке воцарилась тишина. Лишь шум улицы да дыхание Аиды свидетельствовали о том, что связь не прервалась.

– Потом, Машик. Не сейчас. Я спешу, прости.

Голос сестры звучал тревожно и печально, и Манон сделалось не по себе. Может, она ошиблась, и ничего такого... романтического и любовного... у Даши не происходит?..

А что же происходит? Куда это она так торопится? Вдруг Дашку какие-то мошенники... или шантажисты... втянули в темное дело? Или все-таки романтический ее любовник оказался на поверку таким же ничтожеством, как все остальные, и сестра теперь страдает?

Нет, не получается. Если бы сестра страдала, то сидела бы дома и слушала очередную оперу. А она вместо этого куда-то торопится, запыхавшись от быстрой ходьбы! Наверное, они просто поссорились, и Даше это кажется, конечно же, трагедией. Она не представляет, ее сестричка возвышенная, что, в

отличие от оперы, в такой «трагедии» занавес еще не опускается, еще есть возможность все исправить и помириться!

Нужно ее обязательно завтра расспросить, обязательно! Мало ли что она старшая, Аида ведь сущий ребенок, жизни не знает! Манон разберется в ее проблемах. И решит их!

Она вернулась к своим делам, открыла почту. Надо же, письмо от Аиды! С чего бы это, сестра ведь компьютером почти не пользуется...

«Я вчера случайно слышала обрывок разговора, в нем было слово «избавиться»... Русский язык так изменился за последнее время, что я больше не понимаю значение слов... А ты знаешь все эти словечки... Как теперь говорят, когда хотят убить? «Прикончить»? «Хлопнуть»? А «избавиться», это ведь не означает УБИТЬ, правда, Маш?»

Ох ты боже мой... Разумеется, не означает! Точнее, не обязательно означает... Все зависит от контекста...

Что именно сестра слышала? Где, от кого?!

Манон тут же набрала номер Аиды и долго слушала гудки. Снова набрала и снова слушала... Куда отправилась сестра? Телефон не отключен, – значит, она не на спектакле... Да и поздно уже для спектаклей, начало одиннадцатого... Не слышит звонок за уличным шумом?

Манон стало отчего-то не по себе. Дождавшись автоответчика, она прокричала в трубку: «Даша, позвони мне срочно! Немедленно, слышишь! Даже если поздно вернешься, в любое время! Я жду!»

День второй

– Кис, – произнесла трубка Серегиным голосом, – помогай! С меня уже три шкуры спустили и грозятся еще пяток содрать. Такое дело паршивое, не припомню

подобного!

Кис, он же Алексей Андреевич Кисанов, частный детектив, ругнулся раньше, чем услышал продолжение.

- Серег, и не мечтай! Мы завтра утром улетаем в Доминикану! Всей семьей!

Семья у детектива большая: жена его Александра, по профессии журналистка и любимая женщина по призванию, а также двое малых детишек: двойняшки Лиза и Кириша. И все они складывали сегодня чемоданы и чемоданчики ввиду завтрашнего отлета на отдых. Весьма долгожданного, между прочим, - с учетом их с Алекс профессий.

- Кис, без тебя пропаду... - жалостливо сказал Серега.

Это он, конечно, актерствует, - чтоб Серега Громов да пропал?! Но уже сам факт подобного актерства говорил о том, что помощь другу и впрямь очень нужна. Очень.

Друг, дружище, дружбан, - Сергей Громов, пребывающий в данном священном статусе еще с тех пор, как Кис работал с ним на Петровке опером, редко просил его о чем-нибудь. Чаще Алексей, расследуя какое-то дело, обращался к нему. Не за одолжением, нет: помощь Громова, ныне полковника УГРО, в раскрытии преступления, которым занимался детектив, оборачивалась затем «оперативно раскрытым делом», приносившим всему «убойному» отделу премии и звездочки. Так что Алексея Кисанова совесть никогда не мучила.

Но чтоб Серега сам просил его помочь... Такое случалось крайне редко.

- На нас свалилось столько работы, допросы-запросы, что мне даже обдумать ситуацию некогда! - продолжал Серега. - Возьми на себя мыслительный процесс, а? Выручи!

- Ну, что там у тебя? - с сомнением спросил Кис, покосившись на жену, уже наострившую ушко. Если он сейчас даст Сереге себя втянуть, то прощай отпуск! Александра его...

Она его поймет, конечно. Как всегда. Только отпуск будет испорчен, вот в чем фокус!

– В саду «Аквариум» вчера обнаружен труп молодой женщины. Все бы шло своим чередом, как обычно, – мы ищем, роем носом землю. Да только убитая является... являлась... Короче, отец ее работает в очень крупном финансовом учреждении, Кис! Нас давят, как клюкву на сок! А дельце это – чисто зубодробилка. Ни свидетелей нет, ни подозреваемых. У мужа алиби, и он тоже шишка большая, особо его не прижучишь. А несколько ее друзей-знакомых ничего не знают, не видели-не слышали. Я тебе денежку выпишу, чтобы хоть тур компенсировать, а?

– Что, Алеш, ты с нами не летишь? – констатировала сообразительная Александра.

– Не лечу... – расстроился детектив.

Она чуть помолчала. Потом сказала спокойно:

– Ты тогда свои вещи из чемодана выложи обратно в шкаф, ладно?

Виновато разобрав свой чемодан, Алексей чмокнул Сашу и двинул на Петровку, 38. Выслушал Серегу, сделал несколько записей в блокноте, скопировал некоторые документы и отчалил к себе на Смоленку, где в старой его квартире, в одной из трех просторных комнат, находился сыщицкий кабинет. Там же обитал ассистент детектива Игорь: проживание входило в ассистентскую зарплату. Парнишка по ряду причин не хотел жить с отцом, успешным и весьма обеспеченным ученым. А его мать давно покинула семейное гнездо: «Жар-птица», как называл ее Игорь, улетела из него, когда мальчику было всего двенадцать лет... И безвозвратно.

Как бы то ни было, проживание Игоря в старой квартире Киса («старой», потому как теперь они с Александрой и детьми жили в другой, новой, возле ВВЦ) устраивало обоих: и детектива, и ассистента.

– Игорек, – произнес Кис, расположившись в любимом кресле за любимым письменным столом, забросив ноги на кресло для посетителей, – сваргань-ка кофейку!

И он разложил перед собой листки и фотографии, которые принес от Громова.

Ситуевина (Кис обожал смачные жаргонные словечки) выглядела и впрямь мало вдохновляющей. Труп есть – подозреваемых нет. Свидетелей тоже. В оживленном саду «Аквариум», в самом центре Москвы, народ тек со спектакля в направлении выхода, – иные к ресторану, что находился в глубине сада, – но никому не пришло в голову вглядываться в плохо освещенные газоны и кусты, где позже обнаружили убитую... Что понятно.

Удар, по заключению экспертов, – холодным оружием в горло. Жертву это лишило возможности закричать, позвать на помощь. Из чего следовало, что удар был нанесен неожиданно. Если бы она увидела нож раньше, чем он воткнулся в ее шею, женщина успела бы закричать!

Впрочем, не факт. Страх иногда парализует. Надежда тоже. Надежда на то, что оружие служит лишь для острастки, а не для убийства...

Форма лезвия нестандартная, треугольная, – не кухонный нож и не перочинный, а что-то вроде кортика или самодельная заточка. Точнее пока сказать нельзя, работа только началась. Большой силы для удара не требовалось – нанести его мог мужчина, женщина и даже ребенок... Последний, впрочем, вряд ли бы сумел достать до горла: погибшая, Аида Корзунь, была женщиной довольно высокой.

Удар нанесли немного снизу вверх. Что тоже не говорило о росте убийцы: даже крупный мужик мог нанести такой удар: движение снизу от кармана или пояса, где был спрятан нож, – и вверх, к горлу жертвы.

По наклону раневого канала можно утверждать, что убийца правша. Вот и все.

Иными словами, по характеру смертельной раны убийцу не определить, а по форме ножа... Можно было бы, конечно, оказаться в его распоряжении оный нож! Да только где ж его взять, вот в чем вопрос...

На одежде убийцы должно быть много крови. Это, скорее всего, куртка или плащ черного или иного темного цвета: убийца, собираясь на свое гнусное дело, о выборе цвета наверняка предусмотрительно позаботился, как позаботился о выборе места для преступления. Иначе, пробираясь сквозь толпу к выходу из сада, он бы привлек внимание людей кровавыми пятнами на одежде, поднялась бы паника... Где-то сейчас данная одежда находится, висит в шкафу или в химчистке, или валяется в мусорном баке, храня на себе не только следы крови жертвы, но и ДНК ее владельца... Да только где?!

Парадокс в том, что в момент убийства в саду находилась тьма народу: зрители толпой валили из театра, а крытая веранда ресторана была основательно заполнена посетителями. Но билеты в театр, как и места за столиками, не по паспорту выдаются, и где теперь искать потенциальных свидетелей – непонятно. Разве только через СМИ кинуть клич: свидетели, отзовитесь! Однако на данном этапе происшествие пытались скрыть от прожорливой прессы: отец погибшей, известный и влиятельный финансист, желал избежать огласки. Несколько просочившихся заметок об убийстве в саду «Аквариум» не содержали имен, и полиции сверху недвусмысленно порекомендовали оставаться в данных рамках. Проще говоря, любителям сливать прессе жареные факты велели хорошенько держать язык за зубами.

Несколько человек все же удалось опросить, как следовало из папки с делом. Во-первых, официантов ресторана, обслуживавших столики на веранде в то время, когда убийство произошло. Во-вторых, удалось разыскать зрителей, которые прошли на спектакль по контрамарке: их фамилии назвал администратор. Но толку ни на грош: ничего они не видели, не слышали. В саду стоял гомон – одни делились впечатлениями от спектакля, другие за ужином общались. Официанты с ног сбивались, обслуживая клиентов. В темные углы сада никто не всматривался.

Аиду и нашли-то по чистой случайности в тот же вечер – иначе бы ее только утром дворники обнаружили. Да вывалилась одна хорошо перебравшая компания из ресторана, остановилась недалеко от входа, что-то еще шумно обсуждая, – как вдруг одному из парней приспичило облегчиться. В ресторане туалет, разумеется, наличествует, но кустики почему-то оказались для него предпочтительней, и двинул парень в гущу деревьев, ища местечко поукромней. А там он и увидел темную фигуру, сидящую на земле, привалившуюся спиной к дереву... Даже протрезвел от неожиданности.

Дальше случилось светопреставление, по крайней мере, для следствия: вся поддавшая компания, не поверив приятелю на слово, ринулась через газон в указанное им место, затоптав все следы, которые там могли оказаться, а также сильно подпортив его своими «генетическими следами»: кто-то сплюнул, кто-то высморкался, кто-то жвачку выбросил, кто-то волосы уронил... Культурный народ, в общем.

У одного из парней нашелся фонарик, висевший как брелок на ключе, он посветил, и все принялись снимать на телефон мертвую женщину – теперь стало видно, что это женщина... Лишь спустя полчаса, отправив снимки в свои блоги и страницы социальных сетей и сполна насладившись сомнительной славой первооткрывателя, они додумались вызвать полицию.

Одно хорошо – если в такой ситуации хоть что-то может быть хорошим, – никто не знал убитую, и под фотографиями никто не поместил ее имя...

К слову, положение тела было не совсем естественным, счел Алексей Кисанов, рассматривая представленные в деле снимки. Теряя сознание, человек обычно падает навзничь. Однако погибшая оказалась в сидячем положении, прислонившись спиной к стволу. Даже если предположить, что она медленно сползла по нему, то вряд ли бы удержалась на корточках. Скорее всего, усадил ее, умирающую, убийца. Зачем? Чтобы шум от падения тела не привлек внимание прохожих? Судя по всему, гвалт в саду стоял немалый, но на воре ведь и шапка горит... Или это знак какого-то уважения... последней дани? Ее убил близкий человек?

Серебристый плащ оказался на земле, под телом. В такую погоду вряд ли жертва сняла его сама. Сделал это тоже убийца. Снова: зачем? Сомнительно, что он позаботился о том, чтоб убитая им женщина не простудилась. Цель его, пожалуй, была куда проще: чтобы ткань, отражающая свет, не привлекла раньше времени внимание.

Раньше, чем он скроется...

Мотивы не просматривались. По крайней мере, по тем сведениям, которые успели собрать Серега и его команда за прошедшее время. Благополучная

семья, богатая, беспроблемная. Родители любили дочерей (у Аиды имелась младшая сестра) и баловали, хотя виделись с ними не слишком часто и мало что знали об их личной жизни. С их точки зрения, в супружестве Аида была счастлива, а время свое проводила, в основном, в посещении оперы, концертов классической музыки, иной раз драматических спектаклей, музеев или галерей. Имелось у нее также и несколько подруг, с которыми она время от времени встречалась. Родители хоть и были знакомы с ними шапочно, однако сумели дать имена-фамилии.

К делам отца Аида не имела никакого отношения, ни к самому бизнесу, ни к деньгам, которые в этом бизнесе вращались. Ее мать, бывшая оперная дива, ушла со сцены и лишь изредка принимала участие в каких-то концертах. Так что представить хоть какой-нибудь завалящий мотив для убийства дочери родителям совершенно невозможно. Да и горевали они, похоже, по-настоящему...

Супруг Аиды, Гектор (ну и имечко!), тоже ничего от ее смерти не выгадывал: она не работала, ничем не владела, кроме приличного счета в банке, который подпитывал сам же Гектор. Папаша ее, разумеется, супербогат, но за дочерью папенькиного имущества не числится, и после смерти жены супруг ничего не наследовал.

Впрочем, на имя жены Гектором была записана пара объектов роскошной недвижимости за границей. Так многие богатеи делают, – да неужто это повод для убийства? Кис юридических тонкостей не знал, но полагал, что раз он смог на жену недвижимость записать, – то смог бы и переписать обратно на себя без проблем!

На вопрос о зяте, его возможных мотивах, отец Аиды, Дмитрий Тимофеевич, ответил категорически: «Выбросьте из головы эту чушь! Они были прекрасной парой!»

Как бы то ни было, у Гектора алиби на время убийства. Правда, он большая шишка в финансово-банковском мире, правая рука Дмитрия Тимофеевича, и Сереге уже недвусмысленно дали понять, что такую персону не следует особо напрягать, так что допрашивали его отнюдь не «с пристрастием». Однако вдовец проявил полную лояльность к органам дознания, кочевряжиться не стал

и сам привел на Петровку свидетелей: коллегу, с которым Гектор допоздна сидел в его квартире, обсуждая какие-то хитроумные банковские дела, равно как и супругу коллеги, подтверждающую, что так оно и было.

По словам Сереги, вдовец кажется искренним в своей печали, тогда как свидетели – хмурыми и надменными, но это еще не повод подозревать их во лжи.

Кому могла помешать Аида и чем, совершенно непонятно.

Случайный убийца? Тоже не прокатит: такие по пустынным переулкам шляются. Аида же пришла в цивилизованный сад «Аквариум», причем явно на свидание: иначе зачем бы пошла в темный и дальний угол онога сада? Да и мотива у «случайного» явно не было: ничего не пропало из дорогих украшений Аиды, ни деньги из ее кошелька, ни банковские карты! Только ее мобильный.

С другой стороны, за телефон, тем более навороченный, у нас могут ножиком пырнуть... Но такая гнида обчистила бы жертву по полной программе. Так что мобильник преступник унес из других соображений: боялся, что там его звонки или текстовые сообщения зафиксировались!

Вопросу о возможном любовнике Гектор, как следовало из протокола, поразился. Ему это никогда не приходило в голову. Будучи умным человеком... Он так и сказал: «Будучи умным человеком, я понимаю, что раз мою жену убили, то кто-то имел в этом интерес. И вся эта история с ее приглашением в сад «Аквариум»... Выводы напрашиваются».

Все верно, Гектор прав: выводы напрашиваются. Кто-то прислал Аиде письмо по электронной почте с приглашением на свидание, с целью вычислить некую персону, за ними следившую, – так говорилось в тексте (Сергея компьютер Аиды оприходовал, разумеется). Отправлено письмо из интернет-кафе на Пятницкой. Сергей Громов послал туда своего человека, – посмотрим, что тот выловит. Пока же придется исходить из факта, что отправитель неизвестен.

Однако он писал в письме о любви...

Значит, у Аиды была связь с кем-то. Внебрачная связь, как это принято называть.

Ладно, хорошо, допустим: был у нее любовник. А убил-то он Аиду зачем?! Не из ревности к мужу ведь? Знал (надо полагать), что любимая его замужем!

Других писем от этого адресата в компьютере Аиды не нашлось. Судя по тексту последнего мейла, она их все стирала, как ее просил поклонник (любовник или нет, в плане физической близости, – это неважно, ничего не меняет). Так что узнать их историю и найти какую-то зацепку не представлялось возможным. На сервере ее провайдера дубликаты писем не сохраняются, это Серега уже выяснил.

Зато он сумел в срочном порядке получить от телефонного оператора распечатки входящих-исходящих айфона Аиды. Они тоже не особо порадовали: аппарат, с которого приходили Аиде сообщения, был зарегистрирован на... На ее собственное имя!

Ловко. Предусмотрительный типчик.

А Гектор, узнав о втором мобильнике на имя жены, заявил вообще что-то несусветное: «Я не удивлюсь, если вы установите, что она сама себе писала эсэмэски и письма... Моя жена существовала в воображаемом мире. Ей все грезилось, что человечество живет великими страстями, как в ее любимых операх. Я, каюсь, не смог дать ей того, чего требовала ее романтическая душа. Я бизнесмен. Сами знаете, что это такое: двадцать часов работы в сутки, а потом короткий и мало освежающий сон, в котором все бежишь, дергая на месте лапами, как собака... Но я Аиду любил. Как умел».

Угу, Аида сама себе писала со второго мобильного, чтобы развеяться, а потом этот телефончик выбросила, пошла в сад и сама себя там убила. Да еще и ножик успела зашвырнуть, умирая. Так, что ли?

Нет уж, господин хороший, даже если ваша жена была мифоманкой и сама себе придумывала романтические истории, – то только не эту!

С другой стороны, любовник жены может интересоваться лишь ее мужа.

«Я Аиду любил. Как умел».

А как умел-то?

Этот вопрос, конечно же, пришел в светлую Серегину голову, и он принялся копать. И вынудил Гектора признать, что большой близости с супругой у него не имелось, как душевной, так и физической; что ревновать Аиду и в голову ему не приходило по причине отсутствия мужской заинтересованности; и что последнюю он реализовывал на стороне.

Однако назвать хоть одно имя он отказался: отношений серьезных он якобы избегал заводить, все были женщины случайные, на один вечер. И заодно настоятельно попросил следователя не упоминать об этом в присутствии тестя, отца Аиды...

Выходило, как ни крути, что убил ее воздыхатель. Зачем, почему?

Ситуации, в которых любовник убивал предмет своей страсти, обычно сводились к такой схеме: он человек с положением, женат, – а любовница жаждет заполучить его в руки, развести и женить на себе, для чего грозит разоблачением их связи. Но Аида и сама была не свободна, и раскрывать свою связь вряд ли намеревалась. По крайней мере, ни мужу, ни отцу, ни сестре она никогда даже не намекала, что желала бы с Гектором развестись... Стало быть, требовать от любовника развода ей было вовсе ни к чему, отсюда и угрожать ему незачем.

Или убил ее тот, кто за ними следил? А романтический герой сбежал?

И кому же понадобилось за парочкой следить?

Гектора можно исключить: у него у самого уйма баб, кой черт ему жену ревновать, да еще за ней следить? Только если... Только если он солгал, и отношения у него вовсе не «на один вечер»... И он хотел с Аидой развестись, чтобы жениться на другой... Да вот незадача: с таким тестем не разводятся! Он его начальник и работодатель, Гектор всем обязан Дмитрию Тимофеевичу! Тот бы даже намек на развод не потерпел... И потому Гектор решил убить жену,

чтобы освободиться от нее... А затем, выдержав положенный траур, жениться на другой!

А? Чем не версия? Конфетка просто! С одним только большущим «НО»: у Гектора алиби на тот вечер. Подтвержденное двумя людьми!

Так что «конфетка» быстро растаяла у детектива в руках.

Впрочем... Минуточку, минуточку! Если Алексей на верном пути и Гектор солгал насчет своих «многих и случайных любовниц», а на самом деле у него одна серьезная связь... То позаботиться о том, чтобы сделать Гектора вдовцом, могла именно его пассия!

...Нет, ерунда получается. Следить за соперницей – еще куда ни шло. Но убить ее? Да еще в присутствии мужчины, любовника соперницы?..

Другой вариант: Гектор нанял кого-то шпионить за супругой. Знакомого, своего охранника или частного детектива, неважно. Собирал о жене информацию. Может, все-таки ревновал; может, все-таки компромат на нее собирал для грядущего развода; может, опасался, что к жене его конкурент подъехал и пытается разузнать важные сведения о бизнесе и финансовых делах Гектора...

Все эти гипотезы имеют право на существование, но ни одна из них не давала даже малюсенькой подсказки на вопрос: кто и почему убил Аиду?

Кис снова перечитал записи и снова не нашел никакого зазора между фактами, в который можно было бы вклинить мыслью, как лезвием ножа, и расширить щель, расшатать плотно сомкнутые половицы, чтобы обнаружить под ними тайник.

Он позвонил Громову, доложил о своих умозаключениях и сомнениях. Некоторое время они вдвоем крутили так и сяк гипотезы, выстроенные Алексеем, но ничего сверх них не придумали.

– Если у Гектора и есть любовница, то, зуб даю, никто о ней ничего не знает! А те, кто знает, будут молчать! Да и допрашивать их велели «нежно», не

прижучишь как следует... – печалился Серега.

– Слежку за ним установи. Рано или поздно пойдет к своей крале.

– Поздно! В том-то и дело, что поздно, а не рано! Он умный, осторожный, и если у него и впрямь есть постоянная телка, то он сейчас заляжет на дно, чтобы ее не выдать. Да и не верю я, чтоб она устранила Аиду с его согласия. Не женский это стиль, ножом в горло.

– Наемный убийца?

– Не похоже. Тот бы из огнестрельного... Хотя как знать. Некоторые наемники умеют мимикрировать под рядовое убийство... Дык все равно с хахалем Аиды непонятно: куда он делся? Как позволил на своих глазах зарезать Аиду? Если б его стукнули крепко, так он бы там и валялся, рядом с трупом... А он пропал, затаился. Запугали? Заплатили?

– Серег, давай пока не ломать голову над этим. Предлагаю разделение труда: я вычисляю любовника Аиды, а ты занимаешься всем остальным. Идет?

На том и порешили.

«...Блистательно продолжающий традиции «черного юмора», этот фильм низводит трагическое до комического, предлагая зрителю посмеяться над страхом смерти и страдания...»

Слезы застлали Манон экран, буквы двоились перед глазами, но она упрямо вычеркивала строчки своей последней рецензии и писала вместо них другие:

«...Не раз воспетый теоретиками и критиками «черный юмор», превращающий трагедию в прикол, является, на самом деле, малодушием – попыткой убежать от отчаянного страха перед смертью и страданием. Хуже того, это проявление душевной скудости, фатальная неспособность к состраданию, которую такого рода «юмористы» прячут за мнимой модностью и крутизной своих опусов...» – писала она новые строчки, слизывая языком соленые капли, наползавшие на губы.

Поставив последнюю точку, Манон отправила рецензию в свой блог и только тогда позволила себе заплакать в голос: «Даша, Дашка, сестричка моя!!!»

Боль невыносимая. Почему Аида, за что?! Эта светлая душа!

Непостижимо.

Не-пос-ти-жи-мо!!!

Этот день – после того, как ранним утром ей сообщили жуткую новость, – Манон провела с родителями. Мама цепко ухватила ее за плечи и плакала не переставая, тычась мокрым лицом ей в шею, а отец... Папа запустил руку в ее волосы, притянул дочь к себе – единственную теперь дочь... – и стукнул ее лбом о свой. И ни слова не произнес. Но Манон видела, как ему плохо.

К ним приходили полицейские – отец разрешил. Бывший в советские годы замминистра, членом коммунистической партии, отец уважал Систему, где правоохранительные органы являлись ее важным, базовым элементом. И потому не только принял у себя дома двух людей с Петровки и одного из прокуратуры, но и наказал жене с дочерью старательно ответить на вопросы «товарищей».

Около полудня ей позвонила Александра Касьянова. Манон напрочь забыла о назначенной встрече в редакции, что неудивительно...

– Простите, – пробормотала Манон в трубку, – у меня большая беда случилась, Александра... Страшная беда. Мою сестру убили вчера вечером...

– Боже!.. Примите мои соболезнования... Могу ли я вам чем-то помочь?

– Сомневаюсь...

– Я задала дурацкий вопрос, простите. Держитесь. И дай вам бог сил...

– Не грузитесь, Александра... – ответила Манон. – В такой ситуации любые слова – дурацкие. Мои в том числе...

И она отключилась.

Александра еще некоторое время созерцала телефон, огорошивший ее столь скорбной новостью. Она не была знакома с Манон, но знала, кто она такая, видела ее пару раз на тусовках, читала ее блог и действительно собиралась помочь ей статьей, привлечь спонсоров к ее фонду. И никак она не ожидала, что эта девушка-эльф, порхающий по своей прихоти с цветка на цветок, – очаровательный, талантливый эльф! – может столкнуться с человеческим горем. Настоящим. Не сказочным, не из тех категорий и пространств, где живут эльфы, а человеческим, где страдание по-настоящему разрывает настоящую душу. И даже тело. Настоящее.

Александра передернула плечами, будто сбрасывая с себя боль. Она слишком близко к сердцу приняла чужое горе, так близко, что самой стало плохо.

Долой эти мысли, черт побери, долой! Завтра они летят с малышами на отдых, и все будет хорошо, все будет отлично! Деткам и взрослым нужен отдых на солнышке – вот и все, на этом и сосредоточимся!

...В тот момент, около полудня, Александра еще не знала, что вскорости позвонит Серега Громов, и Алеша останется в Москве: на него очередное дело свалилось. Да не какое-нибудь, а именно то, которое она приняла столь близко к сердцу: убийство Аиды, сестры Манон.

Любовник... Отдел Громова за прошедший день провел немалую работу: были опрошены не только близкие, но и подруги Аиды. Однако никто – никто! – не знал о существовании любовника и даже не подозревал!

Никто – кроме сестры. Манон (тоже имечко!), впрочем, также не знала, но как раз подозревала.

Кис снова придвинул к себе фотографию Аиды. У нее была яркая внешность – не сказать, чтоб красавица, но лицо ее привлекало одухотворенностью и чувственностью одновременно. Взрывоопасная смесь.

«Кто ты? – спросил Алексей, вглядываясь в снимок, на котором Аида улыбалась вроде бы весело и беззаботно... Только, если приглядеться, трагическая складка у губ выдавала ее... ее несчастливость? Или ее склонность возвышать и трагедизировать отношения? – Кто мог завладеть твоими чувствами, твоей душой настолько, что ты слепо, с абсолютным доверием, пошла в объятия убийцы?»

Фотография ему не ответила.

Алексей набрал номер Веры.

Вера Лучникова, лучший на свете психолог (Кис редко кому из этой братии доверял), в одном давнем и чрезвычайно запутанном деле оказалась жертвой преступников. Кис тогда все распутал, размотал и Веру от подозрений милиции спас. Но не от беды, увы.

Как бы то ни было, они с Верой остались хорошими друзьями, и в тех редких случаях, когда Алексею хотелось прибегнуть к помощи психолога, он обращался к ней.

– Возьмешься по фотографии обрисовать личность, Верунь?

– Это как по телефону поставить диагноз? – усмехнулась Вера, ничуть не удивившись внезапному появлению детектива на связи.

– Типа того.

– Ты же знаешь, что по телефону диагноз не...

– Знаю. Все равно, помоги!

Сорок минут спустя детектив сидел у Веры в кабинете. Она некоторое время сосредоточенно изучала фотографию Аиды.

- Ты меня знаешь, – наконец произнесла она. – Я не претендую на истину в...

- ...«в последней инстанции», – знаю, знаю, Вер! Это всего лишь снимки, и ты не гарантируешь, что твое заключение будет обязательно верным, – я уже все понял, можешь не продолжать!

- Ну, раз ты такой умный, то держи: с моей точки зрения женщина эта обладает очень высоким потенциалом отдачи. Отдачи чувств, своей душевно-духовной энергии. Она могла бы быть декабристкой – за ссыльным мужем в Сибирь. Могла бы оказаться политической террористкой: убить врага народа во имя высокой идеи и быть казненной. Или, при иных исторических условиях, Жанной д'Арк. Могла бы оказаться еще много кем, – но во всех случаях человеком, которому нужна великая идея (ложная или нет, второстепенный вопрос!), заставляющая ее растрчивать себя до конца, вплоть до самоуничтожения.

- Что же получается, Вер... Что человек, сумевший влюбить ее в себя, был террористом или революционером?! – озадачился детектив.

- Не обязательно. Главное, он сумел вызвать в ней высокий накал чувств.

- Как, к примеру... как кто, к примеру?

- Маргинал. Отверженный обществом человек.

- Э-э-э... А кто у нас нынче маргиналы? Я что-то не очень сведущ в этом вопросе... Раньше вот Бродский был, а теперь... Ну, не бомж ведь?

- Бомж, это вряд ли. Скорее, непонятый художник. Необязательно тот, который рисует, – любой тонко чувствующий человек. Поэт он, писатель, музыкант или вовсе не имеет отношения к творческой профессии – неважно. Главное, щедро наделенный эмоциями (как она сама) индивидуум, отвергнутый обществом. Аиде необходимо затрачиваться, выкладываться в чувствах по максимуму! Защищать, отстаивать, противостоять. Не зря она, как ты сказал, любит оперу: там практически во всех либретто идет противостояние не на жизнь, а на смерть.

- Она оперу любила...

– Она что... Она...

– Ее убили.

Вера ответила не сразу.

– Не удивляюсь... – произнесла она после паузы. – Характер Аиды располагал к трагедии. Она слишком много ждала от жизни, от людей, – и, не получив ожидаемого, вполне могла породниться со смертью тем или иным способом. Если бы ее не убили, она могла стать со временем наркоманкой или алкоголичкой, могла покончить с собой или пойти на смертельный риск в тайной и неосознанной надежде, что кто-то положит конец ее страданиям в жизни, где нет адекватного ответа на ее чувства...

Алексей ушел от Веры почти успокоенный. Он чувствовал: она не ошиблась. Стало быть, теперь нужно нащупать в окружении Аиды человека, подходящего под данное определение!

В Серегинном досье наличествовали протоколы допросов двух ближайших подруг Аиды. Обе клялись, что ничего не знали об отношениях Аиды с каким бы то ни было «левым» мужчиной...

Но Кис решил, что стоит их заново расспросить. Люди ментов обычно не любят, – отсюда и шанс, что скажут частному детективу то, что не сказали полиции... Собственно, это одна из причин, по которой Громов привлек его к делу...

Но это все уже завтра. День перетек в вечер, и Алексей заторопился домой, чтобы поужинать с Сашей, пораньше лечь и завтра с утра отвезти семью в аэропорт.

Малыши уже спали, но Александра ждала его. Как у них повелось, он рассказал жене в общих чертах о новом и срочном деле.

– Надо же! – отозвалась Саша. – А мне Манон как раз звонила...

Она вкратце обрисовала суть их переговоров и не состоявшееся сегодня свидание.

- А она ничего такого...

- Нет, Алеш, ничего такого. О сестре вчера не было сказано ни слова, а сегодня она только сообщила о смерти Аиды... Алеш, может, мне остаться? Попробую тебе помочь...

- Сашка...

- Что?

- А дети как же? Им надо на солнышко, на море...

- Да, - согласилась Александра, - ты прав. Если что, звони мне на мобильный, я и с пляжа нарою для тебя нужную информацию!

- В песочке, - хмыкнул Алексей.

Александра улыбнулась, поднялась, поцеловала мужа в шею.

- Завтра рано вставать...

- А мы еще должны хорошенько попрощаться перед разлукой! - весело вскочил Алексей.

И, обняв жену за талию, увлек ее в спальню.

К вечеру Манон так устала от родительской скорби, - свою она даже выказать не посмела, дабы не преумножить их страдания, - что экстренно покинула их квартиру, сославшись на страшную головную боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-garmash-roffe/i-net-mne-proscheniya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)